Легенды о проклятых 4. Ослепленные тьмой

Автор:
Ульяна Соболева

Легенды о проклятых 4. Ослепленные тьмой

Ульяна Павловна Соболева

Легенды о проклятых #4

Не так страшна война с людьми… как страшна война с нелюдью. Переполнилась земля кровью и болью, дала нажраться плотью злу первобытному, голодному. Мрак опустился, нет ни одного луча света, утро уже не наступит никогда. Вечная ночь. Даже враги затаились от ужаса перед неизвестностью и войны стихли. Замер род людской и убоялся иных сил. Стонет в крепости женщина с красными волосами, отданная другому, ждет своего зверя лютого. Пусть придет и заберет ее душу с собой в вечную темноту.

Ульяна Соболева

Легенды о проклятых 4. Ослепленные тьмой

Больше солнце не родится,

Зло давно в аду не дремлет,

Черной копотью садится

На леса и на деревни,

В мертвь природу превращает,

Жалости, добра не знает,

Смотрит черною глазницей,

Как туман на земь стелИтся

И хоронит под собою

Все, что есть на ней живое…

Черный волк на крепость воет,

Мечется, скулит и стонет.

Не взойти уже луне.

Им искать теперь друг друга

Ослепленными во тьме.

СЛОВО ОТ АВТОРА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ:

Это жестокая и страшная сказка. Все вы уже ее знаете, читали первые части. Но я хочу все же вернуться к предупреждениям.

Да, здесь нет ненормативной лексики, но здесь есть жестокость самая настоящая, животная, первобытная жестокость. Под жестокостью я подразумеваю не жесть от главного героя над героиней, а насилие над слабыми, как над женщинами, так и над мужчинами, кровопролитные бойни, казни, ритуалы и жертвоприношения, мистические жуткие явления и т.д. Подробных описаний нет, но все же подобные сцены присутствуют, и я бы обозначила их как 21+.

Жесток в целом весь мир псевдосредневековья, в котором разворачиваются события. И жесток он без преувеличения. Я предупредила, если что.

Еще я бы хотела предупредить, что в данном произведении нет четкой сюжетной линии двух главных героев – здесь много линий, много героев, и все они связаны между собой, хотя, несомненно, линия Одейи и Рейна ведущая во всей истории. Я хочу предупредить, что есть сцены фемслэша и отношения между двумя женщинами (второстепенными героинями). Хочу предупредить, что те, кто ждут на каждой странице секс – будут разочарованы и, возможно, на книгу таких сцен будет всего ничего, хотя мне кажется данное произведение пропитано не только эротикой, а иногда и самой настоящей похотью, как между главными героями, так и между второстепенными. Но опять же те, кто ждут истории, где всю книгу герои ищут место и способ заняться сексом и только об этом и думают – идите мимо, это не для вас, и секса будет мало. Чтоб потом не жаловались и не портили мне карму, как после Непрощенной, где некоторым особам стало мало постельных сцен.

Ну, а те, кто любят мою страшную сказку – пристегивайтесь, мы полетели в снега Лассара и Валласа, проливать кровь вместе с Рейном и страдать вместе с Одейей. В этой книге будет еще страшнее, еще больнее даже, чем в третьей.

ПРОЛОГ

Быстрая, как олень. Тихая, словно тень. Страх режет глубже меча. Гибкая, как змея. Тихая, как вода. Страх режет глубже меча. Сильная, как медведь. Свирепая, как росомаха. Страх режет глубже меча. Человек, который боится, уже погиб. Страх режет глубже меча. Страх режет глубже меча. Страх режет глубже меча"

(с) Сирио Форель

Они стояли на четвереньках, пошатываясь и устремив взгляды на ритуальный огонь, постепенно разгорающийся в ледяной тьме. Тоненькие блики пламени выскальзывали из темноты, прорезали ее паутинками, плевались мелкими искрами, летящими в сугробы, пока не заполыхали и не облизали черный воздух длинными оранжевыми языками, освещая все вокруг, освещая звероподобные лица с черными и белыми полосами от лба до подбородка, от глаз до ушей. Из-за полос не видно ртов и носов, не видно глаз.

– Мгмммммммм…мгмммммм…мгмммм. Овау ова. Овау Ова. – заскандировали зверо-люди. Баорды, как называли их в Лассаре и Валласе. Баорды, пожирающие человеческую плоть и пресмыкающиеся перед слугами саананскими. За что и были избраны его рабами. Баорды, вырастившие диких псов, которые сейчас поджали хвосты и не смели подойти к огню.

Посередине пламени разогнулась черная тень, укутанная в просаленные меха, переливающиеся от бликов костра. Тень взметнула руки вверх, удерживая на них голого, розового младенца. Псы оскалились, зарычали и дернулись назад, не сводя глаз с орущего лысого комка.

– Вот он! Детеныш тьмы и света! Сам пришел в наши руки!

– Съесть..овау ова. Съесть. Овау ова.

– Голод!

– Мы голодные!

– Овау…овау послал еду!

Сивар обернулась, и ее жуткие белесые глаза засветились в темноте лунным блеском.

– Это не едаааа, – растягивая слова и раскачивая ребенка над пламенем, – это нааашшш талисмаааан. Овау ова посссслал талисссман для Сивар…. а Сивар принесла талисман вам.

Один из баордов приблизился к огню, обнюхивая малыша.

– Это…это не человек.

– Нееет… не человек.

– Маленький Гайлааар… они унюхают его и убьют всех нас.

– Не унюхают… Сивар знает, что делать. Сивар спасет баордов, когда настанет вечная ночь.

Подняла младенца еще выше.

– Он будет баордом, как и мы. Овау ова прими. Овау ова спрячь от глаз. Овау ова сохрани. Овау ова нареки.

Посмотрела на двух женщин, склонивших головы, спрятанные под платками и меховыми шапками, с которых свисают тонкие крысиные хвосты. Одна из них протянула свои руки-крючья к ребенку и взяла его на руки, а вторая накалила над огнем тонкую длинную иглу, проткнула сморщенный палец Сивар, потом пятку младенца и сдавила друг с другом. Тьму пронизал громкий крик ребенка.

Позже, в норе, где под стенами в глиняных горшках чадили свечи, сделанные из медвежьего сала, смердящие так, что у человека заслизились бы глаза, Сивар расстелила на полу, покрытом шкурами, свой шерстяной платок и уложила на него младенца. Она склонилась над ним так, что седые космы упали на крошечное личико, и открыла висящий на груди сосуд из слюды, принесенной древними предками с паучьей горы. Капнула с ногтя ярко-фиолетовой жидкостью малышу на губы. Капля въелась под кожу и разошлась сеткой, выделяя каждый сосуд фиолетовым цветом. Тело мальчика судорожно задергалось.

– Паутина смерти. Смешение крови. Яд жахада. Всегда в тебе будет капля баордской крови, и не поднимется меч твой супротив народа твоего. Если выживешь до утра.

Впервые ее голос не дребезжал и не тянул букву «с», а белесая пленка слезла с радужки, обнажая ярко-голубой цвет. Сморщенная рука тронула щечки малыша, плечи и живот. Старуха вышла из норы и завалила вход досками.

– Не подходить до рассвета.

– Сколько… их осталось?

Спросила у нее одна из женщин, глядя исподлобья. Из-за черно-белого окраса ее глаза казались двумя дырами.

– Немного. Скоро настанет вечная ночь.

Повела носом, подняла руки вверх.

– Чую запах мертвечины… чую запах смерти. Она уже близко.

Баордки переглянулись и, опустившись на четвереньки, бросились врассыпную в сторону леса, а старая мадорка направилась к серебряному озеру, отражающему тонкую полоску месяца. Тронула клюкой воду, вызывая рябь зыбкую, заставляя ее дребезжать, а вместе с ней и месяц.

– Исчезнет Солнце и Луна… на землю ступит злая Тьма. Слышны вдали ее шаги… чу… крадется смерть из темноты.

Подняла голову и посмотрела на небо. Лицо не страшное, не облезлое, покрытое морщинами. Оно моложе и глаже, как и волосы, которые вместо белого приобретают лунный оттенок. Стояла Сивар до самого рассвета, глядя на всполохи разноцветных оттенков, глядя, как тает месяц в воде.

К норе вернулась не спеша, доски отодвинула и подкралась к младенцу, растопырив пальцы, согнувшись и принюхиваясь к воздуху. Ребенок лежал неподвижно, глядя вверх широко распахнутыми глазами. Баордка нахмурила косматые брови и резко наклонилась над малышом, его глаза тут же вспыхнули зеленым свечением, которое сменилось на желтое и сразу же на тусклое белое, ребенок протянул к мадорке руки, пытаясь схватить ее за волосы.

– Свершилось! Диерон Орео тебе имя. Волк-паук. Приемный сын Сивар.

Баордка хохотала, прыгала, приплясывала вокруг малыша, трясла руками и пела победную песню. Затем она долго обмазывала малыша жиром, рисовала на его

ручках и ножках пентаграммы и скандировала «овоу ова тебе хвала»

– Звезда Саанана да прибудет с тобой. Сын Тьмы и Луны. Когда он найдет тебя… то не сможет причинить вред тем, кто тебя спас. А старая Сивар позаботится о тебе, и твоя первая Луна не убьет тебя… если яд жахадов не убил.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ДАНАТ ТРЕТИЙ

Многие заявляют, что лучше умереть свободным, чем жить рабом, но это только слова. Когда доходит до дела, мало кто выбирает смерть, иначе откуда в мире столько рабов? Каждый из них в свое время выбрал не смерть, а рабство.

(с) Джордж Р. Р. Мартин Танец с драконами. Искры над пеплом

Сок я люблю, но не выношу, когда руки липкие, – пожаловался он, вытирая пальцы. – Руки должны быть чистыми, Санса. Что бы вы не делали, всегда заботьтесь о чистоте своих рук.

(с) Джордж Р. Р. Мартин Буря мечей

Данат Третий нервничал перед встречей с ней. Нервничал и боялся, что не выдержит ни ее взгляда, ни того, что задумал Астрель вместе с Маагаром. Он искал знания об этом ритуале давно, он рылся в манускриптах, переворачивал ворох старинных книг, но не мог найти способ обернуть вспять посвящение в ниады. Но он существовал. Ритуал проклятия Иллина и изгнания из эдема. Ритуал, который лишит ниаду силы и красоты, сделает простой смертной. И тогда Данат сможет подчинить ее себе навсегда. Маагар ему в этом поможет.

Какой прекрасный союзник, готовый предать и отца, и семью ради власти. Вот с кем надо было иметь дело с самого начала, вот с кем надо было договариваться, а не слушать Ода Первого. Ошалевшего от войн и мании величия. Великий диктатор, деспот, возжелавший покорить мир. Довольствовался бы малым и сейчас не сидел бы на одном из островов в окружении дикарей.

Маагаром можно управлять, дергать за ниточки, как марионетку, заставлять делать то, что хочет Данат. Именно Маагар спас его от расправы и спрятал в монастыре, дал охрану и провизию, а теперь призвал к себе, чтобы получить покровительство Иллина.

– Ты мне нужен, Данат. Нужен, как советник и помощник. Еще немного времени, и Од Первый женится, а потом у него родятся новые наследники. Но и это не все. Отец выжил из ума и хочет объединиться с варварами с юга. Заключить с ними союз, который навсегда отнимет у меня возможность править. Я должен положить этому конец!

– Объединиться с варварами? Каким образом?

Данат Третий привычно сложил руки на круглом животе, поблескивая перстнями и рассматривая комнату велиария в одном из охотничьих угодий к югу от Лассара. Стены завешаны шкурами оленей и медведей, а головы животных мрачно возвышаются под потолком, освещенные яркими факелами. Величие смерти во всей красе. Бренность этого мира, когда из живого существа сделали чучело для украшения дома и тут же говорят об Иллине, и боятся его кары. Смешны и жалки сильные мира сего. На самом деле из каждого из них однажды кто-то сделает чучело на потеху.

– Отдав за их предводителя мою сестру.

Астрель резко обернулся, и ни одной мысли в голове не осталось. Стоило лишь только заговорить о ней…. О ней… сидящей внизу в подвале. Так близко. Так невероятно близко, что от одной мысли об этом сморщенный стручок Даната сладенько ныл и дергался. Она послана ему, как соблазн. Послана в наказание за его грехи, послана, чтобы погубить его и уничтожить веру.

– У вас другие планы, мой дас?

– Да! Другие! Помоги мне собрать свое войско, Данат! Помоги убедить людей пойти за мной, и я свергну отца! Когда приду к власти, все изменится. Я многое отдам Храму. Подарю целые земли. Тебе, Данат. Ты станешь могущественным человеком.

Наконец-то он сказал это вслух, сын-предатель, сын-отцеубийца готов пойти на что угодно ради трона.

– Од Первый силен. Люди поклоняются ему, боятся и любят.

– Иллина они боятся больше, и ты можешь заставить их поверить в иное.

Да, он мог. Особенно вдали от могущественного велиара, который не призывал его к себе, а отдалил. Не звал разделить победу и не жертвовал храму награбленное красное золото. Минули те времена, когда Од Первый трясся перед Иллином, прислушивался к Верховному Астрелю и боялся высшей кары. Пора менять велиара.

– Могу заставить.

И пристально посмотрел в сияющие глаза Маагара. Красив, могуч, но, увы, глуп. Им можно управлять, как марионеткой.

– Чего ты хочешь взамен?

– Кого…

– Кого?

– Отдай мне свою сестру. Позволь срезать метку Иллина и оставить ее себе!

Маагар нахмурился, всматриваясь в лицо Астреля, чьи свиные глазки загорелись похотью и азартом.

– Разве ты не давал обет безбрачия, Астрель?

Взгляд тут же потух, словно Астрель что-то спрятал, прикрыл от чужих глаз, и выражение лица священнослужителя изменилось, став смиренным и скорбным. Складки у губ драматично опустились.

– Она заслуживает наказания за свои преступления. Я буду молиться о ее душе, и ниада искупит свои грехи. Под моим присмотром. Я позабочусь о ней.

Маагар усмехнулся и почесал кончик носа.

– Мне плевать, как на самом деле ты блюдешь свой обет. Главное, чтоб об этом не узнали другие и шли за тобой, как раньше.

– Пойдут. Я знаю, что сказать, чтобы пошли. И ниада понадобится для этого… но мне придется быть жестоким с ней. Только так я смогу очистить ее душу от скверны Саананской и убедить в этом очищении людей.

А перед глазами она, извивающаяся на алтаре в Храме, когда метку на ней выжигал. И воспоминания, как живые. Он шептал их про себя, скрипучим голосом, въедливым и высоким. Этот голос казался ему гласом Иллина, вещающим в его утробе.

***

Я не могу избавиться от навязчивых мыслей о ниаде. О ее обнаженном теле на алтаре, о её красных волосах, змеями вьющихся по блестящей поверхности металла. Я сам лично нанес на низ гладкого живота девушки священное клеймо с изображением пятилистника – символа непорочности. Ниада извивалась и стонала от боли, а я впервые в жизни испытал дичайшее сексуальное возбуждение, глядя на ее полную грудь с розовыми сосками, которая колыхалась в такт ее резким движениям от каждого прикосновения раскаленного метала, и скрещенные длинные ноги, между которыми, я знал, меня ждут врата Саананской бездны сладкого разврата. Я произносил заклинания, ощущая, как под пальцами проносятся искры, и каждая вена в моем собственном теле вибрирует от бешеной энергии, которая проходит сквозь него. Пока вдруг металл не окрасился в красный цвет. Это я не удержался и коснулся ниады, и почувствовал, как мои пальцы обожгло, словно кислотой. Это было невозможным, ведь заклинание не распространяется на астрелей Иллина. Только на простых смертных, как доказательство нарушения запрета. Но ожоги говорили об ином – к этой ниаде не могут прикасаться даже астрели. Что-то не так с красноволосой сучкой. С ней определенно что-то не так.

После окончания священного ритуала под длинной рясой на моих штанах осталось мокрое пятно. По ночам я хлестал себя колючей проволокой и стягивал тело широким кожаным ремнем с шипами, чтобы унять отвратительные фантазии и грязные желания, которые лезли мне в голову, мне, Верховному Астрелю, могущественному и сильному, давшему обет безбрачия и испытавшему свой единственный оргазм во время самого священного обряда. В этом она виновата, проклятая ведьма, которая с тех пор искушала меня одним только видом, напоминая о падении и грехе. После этих оргазмов станет больше, как и шрамов на моей спине… Умри, проклятая, или стань моей… Стань моей. Стааааань.

***

Маагар задумался. Отошел к окну, раздвинул тяжелые складки штор. Тусклый свет пробился сквозь заснеженное окно. Солнце теперь выходило все реже, и небо почти всегда окутывал туман. Надвигается вечная ночь… потому что силы Саанана близки. Но Данат знает, как можно бежать от тьмы… и он желает сбежать с ней. Только вначале поставит ее на колени, отнимет силы и сломает волю упрямой красноволосой сучки.

– Одейя – моя сестра. Не девка придворная, не шлюшка, не простолюдинка. Она велиария.

– Конечно… именно поэтому надо очистить ее, показать людям, что член велиарской семьи так же равен, как и любой другой, перед Иллином. Люди боятся и ненавидят ее, а вместе с ней и других детей Ода Первого. Твоя сестра понесла и родила от врага лассарского, сокрушила веру в силу семьи вашей! Очернила имя Вийяров! Как носить его теперь? Разве не стыдно?

Задумался, перебирает пальцами бархат. Что пересилит – братская любовь или жадность и амбиции. Данат поставил на второе. Любовь может быть только к Иллину. Все остальное – привязанности и потребности.

– Хорошо. Я отдам тебе Одейю. Но ты не посмеешь причинить ей вред. Проводи свои ритуалы, но она должна остаться живой.

– Конечно… только гуманность и вера спасут отчаявшихся грешников.

– Никаких костров!

– Никаких костров.

– Что надо делать? Говори!

– Срезать метку, выковырять ее и сжечь. Пусть станет обычной женщиной, как другие.

– Метка – это навсегда, разве нет?

– Я знаю ритуал, который избавит от нее, как и от возможности обжигать.

– Делай, как знаешь, Астрель, – и вдруг сгреб священнослужителя за шкирку, притянул к себе, всматриваясь в узкие глаза-бусины, похожие на черный бисер, который от страха заметался из стороны в сторону. – Но если солжешь мне, твоя смерть будет страшнее любых пыток Саанана. В изощренности наказаний я превзойду даже моего отца! Клянусь!

– Я Астрель! Приближенные к Иллину не лгут!

– Я хочу трон! Мне плевать, каким образом ты меня к нему приведешь. Давай. Действуй!

***

Данат еле сдерживал дрожь во всем теле, когда ему привели ниаду. Она не была похожа на себя. Скорее, напоминала тень прежней Одейи, но это не скрывало и не прятало вызывающей красоты. Ничего, сегодня с этим будет покончено, и он, тот, кто наделил ее чарами, он их у нее и отберет, и тогда… тогда она станет принадлежать ему. Не сможет обжечь и сопротивляться. Ооо, сколько чудесных способов изгнания Саанана он для нее придумал.

К заутренней народ собрался во дворе замка. Они съезжались отовсюду, как насекомые, сбегающиеся на сахар, как мухи, летящие на гниль.

Голод, смерти, нищета – ничто. Народ хочет зрелищ. Извращений, крови, насилия, расчлененки и боли. Так было и будет всегда. На этом будет зиждеться успех, будут расти горы золота, будет держаться власть. Люди готовы отказаться даже от хлеба ради зрелищ. И Данат прекрасно знал, чего хочет толпа. Чего хотят эти ханжи, которые выстраиваются в очередь в Храм, молятся, целуют ему руки, а сами…сами готовы трястись от злобы, похоти и жажды крови. Как сейчас.

Зудят, кишат на площади, скандируют:

– Лишить шеану силы, наказать шлюху валласарскую. Вздернуть на кол. Пусть ее сам Саанан имеет!

А она сидит на скамье и даже не смотрит на него. Одета в робу черную, мешковатую. Ноги босые и пальчики на них крошечные, ровные. О, как бы он молился этим пальчикам, как бы исступленно лизал их своим языком. Сам не заметил, как запыхтел, как покрылось пятнами и без того красное лицо.

– Вот и свиделись, ниада.

Молчит, гордо вздернув подбородок. Смотрит в никуда. Упрямая сучка. Ничего, сегодня он ее сломает.

– Сегодня я лишу тебя, змея, твоего ядовитого жала. Станешь обыкновенной бабой, а потом постриг и вечное заточение в моем Храме. Отдал мне тебя Маагар, брат твой. Никому ты не нужна. Никому, кроме меня.

Приблизился к ней, влекомый неведомой силой. Волосы шеаны горят алым пламенем в слабых бликах солнца. И у него пальцы чешутся, так хочется впиться в волосы эти, сдавить, дернуть за них, причинить ей боль. За то, что сам горит в пекле, за то, что погрузила его в ад, и нет этому избавления.

– Нужна, – губы тихо шевелятся, – нужна, лжешь, Данат. Лжешь, как и всегда… Твое жало опаснее моего. Жалит ядом лицемерия. Знаешь, что нужна, и

боишься…боишься, что он придет за мной. А он придет.

– Если жив… а у меня другие сведения. Нет твоего гайлара проклятого больше. Никто тебя не спасет!

– Есть он… и это тоже ложь!

И с презрением глазами своими бирюзовыми прямо ему в душу заглянула, содрогнуться заставила. Отступил на шаг назад.

– Сегодня расплата твоя придет… но я мог бы тебя спасти. Мог бы. В последний раз предлагаю свое покровительство. В моей власти спрятать тебя от людей, от всего мира и защитить. В золоте искупать, в роскоши. Ни в чем отказа не узнаешь. Ни в еде, ни в нарядах, ни в камнях драгоценных. Любой каприз исполню. На блюдце принесу. Все, что захочешь. Любое желание.

Соблазнительно на него посмотрела и облизала коралловые губы.

– Все, что захочу?

– Все… абсолютно все.

– Иди к Маагару, – выдохнула, подавшись вперед, – попроси принять тебя.

– Что просить у него для тебя? Он отдаст… клянусь, отдаст!

А самого шатает от ее близости и запаха, от того, как смотрит, как приоткрыла рот, как кожа ее белая перламутром отливает.

– Меч попроси. Острый, наточенный лучшим кузнецом Лассара, с каменьями драгоценными на рукояти. Фамильный меч.

– Зачем тебе меч, женщина?

К ней наклоняется, не может устоять, пьяный от запаха, от красоты этой саананской.

– Воткни его в свое жирное брюхо и выпотроши свои кишки! – и плюнула ему в лицо.

Слюна не просто обожгла, а проела дыру до мяса, заставив Даната взвыть, упасть на спину, закрываясь обеими руками.

– Тварь! Проклятая шеана! Сгною! Все равно моей будешь! Я тебя каждый день на алтаре буду живьем поджаривать!

– Если сможешь прикоснуться!

И продолжает хохотать, как безумная.

– Смогу. Лишу тебя сил твоих. Ритуал знаю, поняла?

– Нет такого ритуала… и не было никогда!

– Ошибаешься… Я этот ритуал получил от самой мадоры баордской. Старой Сивар. Специально для тебя зелье передала с пламенным приветом от нее. – от воспоминаний о встрече с мерзкой старухой содрогнулся всем телом. И голос ее скрипучий в голове зазвучал:

– Принесссс?

– Принес.

Отдал мадорке прядь красных волос.

– А кровь ее принесссс?

– Принес!

– От меня привет ниаде передашшшшшь

Маленький флакон вложил в сморщенную ладонь.

– Молодец. Жди. К тебе выйдут. И держись подальше от чащи. Баордов я еще могу контролировать, а псов наших нет. А они всегда голодные.

Когда шел вместе с двумя астранами к кромке леса, послышалось, как вдалеке в баордском лагере младенец плачет. К нему вышла одна из зверо-женщин. Выползла на четвереньках, не похожая на человека совсем, укутанная в черные меха, заставила Даната тут же осенить себя звездами и протянула флакон и бумагу, свернутую в трубочку. Он забрал и дернулся, когда паучиха на него голодным взглядом зыркнула.

***

Шатаясь, выбрался из кельи Одейи, в зеркало на себя посмотрел и застонал – на щеке волдырь лопнул, и сукровица течет. Обожгла, тварь. Навеки шрам останется. И все остальные поймут, что прикасался к ней. Губы поджал, оглядываясь по сторонам. Факел схватил и опалил часть головы, загорелась тиара и волосы, он тут же в чан с водой голову окунул и завопил не своим голосом.

– Кто факел не закрепил на стене?

Чуть позже равнодушно смотрел, как одного из стражников лицом в угли тыкают за то, что факелы развесил ненадежно и мог пожар в замке устроить.

Ничего, ради служителя самого Иллина можно и без лица остаться, а то и умереть. Под ужасающие вопли несчастного Данат Третий вышел к толпе и с наслаждением посмотрел на алтарь. Сегодня все свершится. Не станет ниады, вернется обычная женщина. Все закончится.

Ее вывели под руки, одетую в одну лишь накидку, растрепанную, босую. Она в толпу смотрит и руки маленькие в кулаки сжимает.

– Кому верите? Кому? Он же вас… он вас Тьме отдаст, лишь бы шкуру свою спасти. Думаете, почему выжил?

– Закрыть рот лживой шеане. Уста ее говорят речи саананские, непотребные для уха честных прихожан Храма Астры.

Одейе завязали рот веревкой, которая впилась в нежные щеки. Данат раздул ноздри и поджал губы, наслаждаясь этой картиной, а когда с нее содрали одежду, он закрыл глаза, стараясь успокоиться. Не смотреть на тело ее проклятое. Не смотреть, не дышать им.

Вокруг распятой женщины ходили астрели с кадилами, чадили святым ароматом, освещали связанное тело ниады, окропляли водой с ледяной реки, посыпали пеплом с Паучьей горы, лили ей в открытый рот зелье из флакона. Черная вязкая жидкость стекала по подбородку шеаны и тут же впитывалась ей в кожу. Палач точил нож, и этот скрип отдавался возбуждением в чреслах Даната. Представил себе, как наклонится к паху ниады и будет срезать клеймо, глядя на розовые складки вожделенной плоти, и от одной мысли об этом трясти начало.

– Давай, моли о пощаде… я еще могу передумать. Ну же… еще не поздно.

– Гореть тебе в пекле саананском, – процедила сквозь зубы.

И перед глазами та сцена…

Астрель наблюдал за ней из-за дырки в стене. Маленькое отверстие, которое для него прорезал один из подмастерьев, чтобы наблюдать за ниадой в любое время суток. И он приходил сюда почти каждую ночь. Перед тем, как она отходила ко сну. Смотрел, как стягивает с себя одеяния, как моется в ванной, слышал, как рыдает в подушку или шлет проклятия Иллину.

Смотрел и дергал себя за член, пока не кончал в потную ладонь, закусив кулак и сотрясаясь всем жирным телом от оргазма. А потом стегал себя кнутом по спине и истово замаливал всю ту грязь, что совершал снова и снова.

Но в эту ночь…в эту ночь астрель испытал суеверный ужас. Впервые за всю свою жизнь он покрылся холодным потом, видя, как ниада извивается на постели, раздвинув ноги и обнимая руками кого-то невидимого, но огромного… кого-то, кто вдирался в ее тело и заставлял кричать от наслаждения.

Именно тогда Данат понял – она ведьма. Ниада продала свою душу Саанану, и от нее нужно избавиться. Иначе сам Данат будет проклят Иллином за то, что приютил в Храме саананское отродье. Вместе с приплодом. Как только Маагар выполнит свою часть сделки, Данат сожжет ниаду на площади. Так будет правильно. Он должен вернуть себе святость, иначе гореть ему самому на вечном костре.

Он специально заставил убрать веревку изо рта, чтобы слышали все, как кричит ниада, лишаясь клейма. Чтобы начала просить и молить его о пощаде.

Верховный Астрель срезал клеймо с особым садизмом, не жалея, уродуя нежное бедро, сдирая кожу. А она… шеана не кричала. Проклятая сука кусала губы до крови и не издала ни звука.

Толпа орала, рукоплескала, топала ногами, вопила и хохотала.

– Ну вот и все… шеана, кончилась твоя власть… моей теперь будешь.

Не шевелится, лежит с закрытыми глазами, бледная, как полотно, руки расслаблены, ноги тоже. Кажется, не дышит. Наклонился, чтобы проверить, и от дикой боли хотел заорать, но не смог.

Пальцы ниады впились ему в грудь. Одной рукой она держала его за затылок, а второй прожигала ему сердце.

– Никто… слышишь, никто не может лишить меня метки… не Иллина я. Не он мой господин. Я принадлежу Рейну Дас Даалу. И никто, кроме него, не может лишить меня сил. А ты…ты встретил свою смерть.

С неба обрушился снегопад, а из прожжённой грудной клетки Даната хлестала кровь, заливая алтарь. Ниада не отпускала его, держала мертвой хваткой, пока пальцы не сдавили сердце и не сожгли и его тоже.

Астрель пылал, лежа на ней, и никто не смел подойти, чтобы спасти его. Доносился вой ветра и смех обезумевшей ниады.

Тучи закрывали небо, лучи солнца стремительно таяли во мраке.

– Шеана… навлекла тьму. Сожгите ее. Сожгитеееее! Она…она убила Верховного Астреля! О, Иллин, спасиии нас!

– Бежииим! Тьма идет!

Когда люди Маагара стянули полуобугленное тело Даната и сбросили его на землю, хватая извивающуюся женщину за руки и за ноги, накрывая одеялом и вытаскивая из толпы, которая шарахалась в разные стороны и осеняла себя звездами, священнослужитель все еще полыхал и дымился.

Это был последний солнечный день… Больше утро не настало.

Освещая путь факелами, войско Маагара направилось на юг. Ниаду везли в клетке, скованную по рукам и ногам. Людей в замке больше не осталось. Они бежали с проклятого места. Только тело Даната валялось на площади возле алтаря.

В деревне хозяйничали только мародеры. Один из них, озираясь по сторонам, подкрался к телу Верховного Астреля, потянулся, чтобы снять с толстых пальцев кольцо. Он не видел, как расползся по земле туман, как окутал клубами алтарь, подбираясь к мертвецу, забираясь к нему под одежду, под тиару. Мародер сдирал кольцо, даже пытался отрезать палец, и так увлекся своим делом, что не увидел, как распахнулись глаза астреля с черными ямами вместо радужек, а из посиневшего рта взвилась струйка черного дымка, и рот широко распахнулся, открывая внутри себя темную бездну.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ОДЕЙЯ

«Лети, маалан, лети, маленькая,

Высоко лети, прямо к солнцу!

Лети, маалан, лети, маленькая,

Высоко лети, выпорхни из оконца.

К свободе лети, песню пой

О закате кровавом и о ночи,

О цветах, о грозе весной.

Громко пой, что есть мочи.

Солнце прячется за карниз,

Плачет небо дождем…

Не успела.

Маалан камнем падает вниз

Маалан к солнцу не долетела».

Внизу камни острые и вода замерзшая. Вот я и в Тиане. В заточении. Там, куда так хотела, куда так стремилась… В проклятом Тиане. Одна. Заперта в келье. На окнах решетки, на дверях замки железные. Ем из деревянной миски руками. Ни ножа, ни булавки, ни веревки, ни шнурка. Чтоб не могла лишить Людоеда возможности продать меня подороже, как только подвернется возможность. И нет у людоеда имени… и никогда не будет. Но когда-то я называла его братом Маагаром. Когда-то он был человеком… а может, и не был вовсе.

От тоски голос пропал, от боли тело онемело, без слез глаза высохли. Только пальцы, израненные зазубренной железкой, трут и трут на окне решетку, трут и трут. Днями, месяцами, годами….. Когда удастся сломать – взлетит маалан в небо. Навсегда свободной будет. Улетит к своему гайлару. Он ведь ждет ее там… на небе, или куда уходят все, кого она потеряла.

***

Ранее…

Отряд остановился на ночлег в деревне, опустевшей после набега валласаров и отбитой несколько дней назад обратно. Улицы усеяны трупами людей, лошадей и даже собак. Дымятся некоторые дома. Мне слышен женский вой скорби, несравнимый ни с чем вой ужаса и боли, знакомый лично до адской пены в крови, которая каждый раз превращается в кислоту, когда я вспоминаю, как сама выла по своему сыну… Мне швырнули шкуру и кусок хлеба. И на том спасибо. Укуталась в вонючий мех. Посасывая корку и прикрывая глаза. Посреди уныния и смерти мне было сейчас хорошо. Я все еще смаковала смерть Даната. Моя одежда пропиталась его кровью, мои волосы пахли его агонией, а мои руки помнили трепыхания его гнилого сердца. И нет ничего слаще этих воспоминаний.

Даже истерические вопли Маагара, его пощечины и обещания удавить меня на месте, не могли унять моего счастливого смеха.

– Сука! Ты что сделала? Как ты смела? Тыыыыы! Ты приговор подписала себе! Приговор! И…. нам всем! Это Данат!

– Даааааа! Это Данат! Будь это не Данат, я бы перегрызла себе вены!

– Идиотка! Шею бы свернуть тебе прямо здесь!

– Сверни. Нет ничего слаще смерти. Теперь я точно знаю. Слаще и желаннее.

– Нет… никакой смерти не будет. Пригодишься еще. Дорогой и нужный товар. Найду, кому предложить. Даже такую… позорище семьи Вийяров. Лучше бы сдохла сама в Валласе.

Да, лучше бы сдохла. Прав он. В этом точно прав.

– Аааа ты, ты брось меня. Оставь на дороге и иди дальше, – с надеждой заглядывая в глаза брата, – брось, Мааги, брось меня. Слышишь? Оставь ему… он накажет. Заклинаю. Иллином молю, пожалуйста, брось. Оставь! Зачем я тебе. Испорченная, опозоренная, непрощенная. Отцу скажешь – сбежала… Ну же, Мааги, вспомни, как раньше с Анисом… вспомни, как играли вместе, как обещали защищать меня.

Оттолкнул сильно, небрежно, как паршивое вонючее насекомое.

– Чтоб трахалась с уродом своим? Чтоб еще выродков нарожала? Никогда ты ему не достанешься! Ясно тебе?

И плюнул мне под ноги.

– Отец решит, что делать с тобой. Не сестра ты мне больше.

Но тогда еще он был мне братом. О, Иллин, оказывается тогда я еще была счастлива, если так можно сказать.

Ночь стала черной, без единой звезды. Как будто непроглядная тьма полностью скрыла любой проблеск света. Но все знали, что это клочья тумана застилали небо. Только одна надежда, что скоро луна проявится и немного рассеет мрак.

Я прикрыла глаза, пытаясь немного поспать. Столько дней в дороге и без отдыха. Кажется, что мои веки пересыпаны песком, а горло солью разъело. Голод уже давно не ощущается, только иногда желудок сводит. Не знаю, уснула я или нет, от холода глаза распахнулись, и я дернулась в ужасе, отпрянув к задней стороне клетки.

В темноте раздалось мерзкое шипение, и я вскинула голову. Со стороны шатра Маагара двигалось что-то черное, чернее самой темноты. Оно приближалось ко мне какими-то рывками. То исчезая, то появляясь. Пока не материализовалось передо мной. Клубья черного тумана скользили внизу, бурлили, пузырились, как будто что-то гигантское копошилось под телегой. Тонкие струйки обвивались вокруг прутьев, расползались по полу. Они приближались ко мне, и я не могла пошевелиться от ужаса, не могла вымолвить ни слова. Только смотрела застывшим взглядом на роящихся прозрачных змей, которые с шипением лезли по полу к моим поджатым ногам. Еще немного и обовьют их ледяным кольцом.

От ужаса хотелось заорать, но мое тело мне не подчинялось – напротив меня стоял Данат. Его глаза светились белыми бельмами, он двигал пальцами, как клешнями. Его сутана шевелилась и клубилась, срастаясь с туманом, будто сотканная из него. Дернулась всем телом, ощутила, как холодная веревка обвила мою шею, как стянуло руки. И вдруг спину обдало жаром, темнота рассеялась зеленоватым свечением, словно за моей спиной кто-то светил факелом. И этот свет расползался по деревянным доскам, отпугивая, отталкивая черные клубы тумана, а потом окружил меня странным кольцом в виде….виде морды волка. Нечто… так похожее на Верховного астреля, зашипело, его рот широко раскрылся и словно поглотил во тьму его самого. Постепенно туман развеялся, и я, тяжело дыша, смотрела перед собой… на то, как медленно исчезает зеленоватое свечение с пола. Но мое тело по-прежнему теплое, и мне не нужна накидка.

Утром, когда снова открыла веки… так и не поняла – видела ли я этот кошмар во сне или на самом деле. Но холодно мне больше не было. Ни разу.

Отряд въехал в Лассар, а у меня ощущение, что не дом это мне больше. Не мой здесь народ и земля не моя. Враждебное все, чужое. Люди с ненавистью смотрят, и глаза их наполнены страхом и злостью.

Страх – самое сильное оружие, страх заставляет убивать и превращаться в животных. Это было первое утро без солнечного света. Небо посветлело лишь на несколько тонов и окрасилось в фиолетово-пурпурное марево, затянутое серыми туманными облаками, сквозь которые пробивался этот мрачный цвет, из-за которого все светлое с души исчезало, словно и внутри больше никогда не взойдет солнце.

Меня ждала встреча с отцом… и приговор, который вынесет мне он. Надеялась ли я, желала ли отцовского прощения или милости? Скорее нет, чем да. Скорее, я желала другого – вырваться из лап своей семьи и бежать… отдать себя на иной суд. Пусть не они меня наказывают.

– Из-за нее день не настанет!

– Из-за нее тьма пришла.

– Ниада-отступница погубила всех.

– Смерть крадется за ней следом.

Где бы не появилась, всегда только это. Крики ненависти. И желание моей смерти….

И я словно вижу саму себя на костре каждую ночь. Мне снятся кошмары.

Люди швыряли в нас лед и комья снега с грязью. Те, кто постарше, посылали нам проклятия, а подростки норовили попасть камнями в головы, в лица и, если им это удавалось, триумфально выли и вопили. Толпа восторженно скандировала имя самозванца и вопила на двух языках, озверевшая от запаха крови, предвкушая зрелища и праздник.

Кто-то содрал с моей головы платок, и на секунду голоса стихли, а потом началась вакханалия, какое-то дикое безумие. Все эти люди рванули ко мне, пытаясь пробиться сквозь ряды воинов в черном.

– Да это же дочь Ода! Шеана! Проклятая шеана! Чтоб ты сдохла, шлюха лассарская!

– Дочь Ода у нас в плену! Она хочет последовать за своим братом! Она хочет, чтоб ее подвесили на крючья и сожгли живьем!

– Сжечь! В костер её! Разорвать на части шеану! Сжечь!

Лица их исказились ненавистью. Я никогда не видела такой отчаянной злобы и презрения. Они жаждали моей крови и смерти. Если бы могли прорваться через плотно стоявших меидов, они бы разодрали меня на части, невзирая на опасность обжечься. Они плевались и поднимали три пальца в воздух. Позже я узнаю, что это означает на их языке проклятие. Они проклинали меня. И я с горечью поняла, что, когда убили моего брата, все эти люди радовались его смерти. Его не приняли в Валласе. Все письма, что он писал мне отсюда, были ложью. Не было никаких венков из алой шаарин, не было песнопений у костров и хлеба с солью. Они все жаждали его смерти. Нет! Отец не объединил два

королевства, он всего лишь загнал стихию в недра страха и сковал оковами рабства, и сейчас она вырвалась на свободу, грозясь поглотить под собой нас всех.

– Отдайте её нам! Лассарскую шлюху нам.

И тут же все смешивается и уже вместо лиц валласарских я вижу лица своих соотечественников, братьев и сестер.

– Тепло и ласку тебе даст дома твоя жена. Пошел вон с дороги!

Они окружили меня и толкали в плечо то к одному, то к другому. Я пыталась успокоиться, пыталась думать, что сказать им, а вместо этого внутри поднималась волна бешеной ярости, она зарождалась где-то в районе позвоночника и огненными ответвлениями растекалась по телу. Один из мужиков дернул на мне накидку.

– Ты ба! Да она брюхатая.

– Ну и что? Какая разница? Ты ж не младенца трахать собрался, а ее. Неужто свою бабу брюхатой не трахал? Смотри, красотка какая. Сочная, мягкая. Не знал бы, что талладаская торговка, мог бы решить, что сама велиара. Кожа белая какая и зубы ровные, а пахнет, – он потянул носом возле моих волос, а потом толкнул меня в снег, и в этот момент я сдернула перчатку, схватив его за руку. От дикой боли его глаза округлились, и лишь потом он заорал. Никто не понял отчего, а мужик сунул руку в снег с воплем:

– Сука! Она меня обожгла. Руками! Это ведьма, братцы! О, Иллин! На ней одежда горит, а она не чувствует! Ведьма! Ведьма!

Я медленно поднялась со снега и посмотрела на подол юбки, как та занялась пламенем вместе с манжетами. Сбросила с себя накидку в снег.

– Эй! Люди! Выходите! Среди нас шеана! Вот почему мы голодаем! Выходите все!

И тогда я побежала, придерживая живот руками. Вот и все. Это кончилось слишком быстро. Мой покой в Жанаре подошел к концу. Нужно убираться отсюда.

Я оглядывалась назад и видела, как толпа становится все больше, они бегут следом с криками и улюлюканьем. Как и полгода назад, когда я только приехала в Жанар. Нужно успеть предупредить Герту. Нужно успеть убежать.

Заслышав шум, люди выходили из домов, а завидев меня, бегущую от толпы, сначала впадали в ступор и лишь потом, заслышав выкрики людей о том, чтобы держали ведьму, бросались следом за мной. Бежать было все тяжелее, я спотыкалась и падала, снова вставала. Косынка слезла с головы, и по лицу стекала краска. Когда я упала в очередной раз, меня схватили за ноги и потащили.

– Разводите костер. Сожжем её прямо сейчас, и тогда Иллин пощадит нас и даст нам хлеб.

– За что девку травите? – крикнул кто-то.

– Шеана она! Обжигает прикосновением! Мне всю кисть сожгла. Не веришь – тронь проклятую.

Самые смелые подходили, чтобы коснуться моих рук или лица, и с воплем отнимали руки, осеняя себя звездами и пятясь назад.

– И правда, шеана.

– Не шеана, а ниада, – послышался чей-то голос, и толпа стихла.

Задыхаясь, я подняла голову, чтобы посмотреть на того, кто вышел к этим обезумевшим фанатикам. Астран. В черном одеянии с непокрытой головой. Ветер развевал его белые волосы, а уже разожженный костер бросал блики на молодое и очень красивое лицо.

– Она не шеана. Эта женщина принадлежит самому Иллину и, видимо, ехала в Храм. Вы посмели тронуть священную и неприкосновенную ниаду,

предназначенную самому Всевышнему!

– Она брюхата, твоя ниада! Разве ниады не должны быть девственницами?!

– Да! Она брюхатая! Блудница! Закидать камнями!

– Никто не вправе вершить самосуд. Приговор выносит сам Верховный астрель.

– Она все время пряталась среди нас! Поэтому мы голодаем, и умирают наши дети. В ее чреве сам Саанан. Надо вырезать его оттуда и сжечь вместе с ней!

– Твои речи близки к Саанану, несчастный! Как смеешь ты решать, кому жить, а кому умирать? Хочешь, чтоб тебя настигла кара? Чтобы следующей была твоя семья? Всем назад! Никто не посмеет тронуть священную ниаду. Кто знает, что она прячет в своем чреве. А вдруг это младенец самого Иллина?

И при слове младенец я просыпалась в холодном поту и со слезами на глазах.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ОДЕЙЯ

Да, крадется. Внутри меня живет эта смерть. Ничего живого не осталось. Маагар прогарцевал мимо на своем коне. Далекий, чужой в железном шлеме и развевающемся плаще. Не взглянул даже. И к саанану его, предателя проклятого. Это он меня Данату отдал. Скорее, продал… только что тот взамен пообещал? Чего захотел старший Вийяр? Единственный, оставшийся в живых сын Ода Первого?

Я не хотела верить… гнала от себя мысли. Те самые, после которых вера в людей, в любовь, в Иллина должна была навсегда сгореть внутри в пепел. Так не могло быть. Это жутко, неправильно, не по-людски. Я ведь ошибаюсь, да? О, Иллин, если ты есть, помоги вернуть веру, помоги выдержать испытания. Пусть я ошибаюсь, пусть страшные мысли в моей голове окажутся просто страхом.

Меня не ввезли в замок, отряд с клеткой направился в сторону монастыря. Клетку накрыли покрывалом и окольными путями последовали в обитель

Скорби. Сюда приходили молиться о душах усопших, здесь проводились поминальные вечера и здесь отпевали покойников. Когда мне помогли выйти из клетки, и я ступила босой ногой в снег, все тело пронизало холодом… Вокруг могильные плиты и памятники, а впереди купол с колоколами, и пятиконечная звезда подпирает темное и страшное небо.

После смерти моего мальчика меня уже было трудно напугать. Да и что можно отнять у несчастной матери, у изгнанной дочери, преданной сестры и отверженной любовницы? Жизнь? Я ею больше не дорожила… а душа? У меня ее больше нет. Она похоронена под обломками вместе с останками моего мальчика. Его отец разрушил это место памяти до основания.

***

Колокол зазвенел так, что я из рук железку выронила, палец порезала. А потом к решетке лицом прижалась, всматриваясь в полумрак, который начали рассеивать многочисленные факелы. Кто-то въезжал в Тиан. С грохотом опустился мост, копейщики высыпались, как белый горох, из казарм и заполонили двор.

– Велиар приехал!

– Великому Велиару Лассара дорогу!

– Открыть ворота!

Я сжала окровавленными пальцами железку и со стоном посмотрела на почти перепиленный прут на окне.

Во двор Тианского замка въехал отряд со знаменами дома Вийяров, но теперь на полотне красовалась змея с высунутым жалом.

А у меня перед глазами цветущий Тиан, праздничные флажки, музыканты на улицах, и в эти самые ворота въезжает отец и мои трое братьев. Анис впереди всех, несется, что есть мочи, подгоняет коня. Ко мне спешит…

– Да здравствует Велиар!

Правитель восседал на белоснежном коне, белый плащ развевался на ветру. Он все еще был в шлеме, и мягкие перья, украшавшие верх железного убора, трепетали от резких порывов.

Велиар снял шлем правой рукой, и золотистые волосы рассыпались у него по плечам. Он сжимал в кулаке несколько веревок, на концах которых телепались человеческие головы. Как ужасающий букет.

– Стадо баордов повержено! – крикнул он и швырнул головы в визжащую от восторга толпу. – Мост разрушен. Ни один голодный вонючий валласар не проберется к нам.

– Маагар дас Вийяр! Наш правитель и избавитель!

– Людоед… проклятый, – прошептала и быстро спрятала железку под ножку кровати, задернула штору и села на стул, натянув капюшон накидки на лицо и сложим руки так, чтоб порезанный палец было не видно. Какого саанана приехал? Когда я была так близка к заветной цели. Пусть убирается, тварь.

Дверь моей кельи загромыхала, и я увидела своих надзирателей и управляющую Тианом – Белинду десу Антрес. Очередную любовницу Маагара.

– Велиар желает видеть вас, моя деса.

Я на нее е смотрела и не произнесла ни слова. Как и в предыдущие пять лет заточения.

– Переоденьте десу и приготовьте к аудиенции с велиаром.

Скомандовала она служанкам и вышла, оставив приторный шлейф парфюма в воздухе.

***

Короны творят странные вещи с головами, на которые надеты.

(с) Джордж Мартин «Пир стервятников»

Он изменился за эти годы. Проклятый отцеубийца, душегуб, подлая тварь, которая притворялась тихоней, а на самом деле оказалась чудовищем. Трусливым чудовищем… мерзким, отвратительным подонком. Даже если бы он был последним человеком на земле, я бы не заговорила с ним. Мой голос принадлежит моему любимому и моему сыну, а если их нет, то и голоса больше нет. Могла бы – отрезала бы и волосы, чтобы развеять по всей земле, чтобы застилали ее ковром кровавым, чтоб каждый сантиметр напоминал о моей потере. Как и мне… моя лысая голова без волос. Но не дали. Ни ножниц, ни ножа, ни стекла. Каждый день расчесывали, плели в косы и укладывали на голове в виде ручек амфоры, покрывали голову тонким покрывалом.

Проклятый Маагар. Как не сдох в дороге, как снега не схоронили тебя, как не сожрали тебя дикие звери. Какое зло бережёт твою душу, проданную Саанану за полмонеты золотых. Его волосы посветлели из-за седины, которая пробивалась сквозь золото кудрей, кожа задубела, и красивое лицо, доставшееся от нашего отца, теперь скорее отвращало, чем притягивало. Напоминало о том, что он убил того, кто называл его «сыном», неизвестно только откуда у этого трусливого ублюдка взялись яйца это совершить… Но подлость не блещет храбростью. Подлость зла, труслива и убога. Подлость – младшая сестра смерти. Ее верная лизоблюдка. Ползет на четвереньках следом и лижет следы от костлявых ступней, трется о рваные черные лохмотья савана, готовая в любой момент вцепиться гнилыми клыками кому-то в спину.

– Поклонись своему велиару, сестра!

Скомандовал уверенным, зычным голосом, полным пафоса и самолюбования. Научился за эти годы. Возомнил себя правителем. Люди сочиняют о нем оды, поют ему песни, потому что не знают то, что знаю и видела я. Не знают о том, что он убил…убил Ода Первого. Подло, низко, вонзил ему нож в спину у меня на глазах. Как бы я не ненавидела своего отца… но он был нашим отцом.

Гордо вздернула подбородок и плюнула ему под ноги. Тяжелая рука в железной перчатке ударила меня по лицу с такой силой, что я отлетела к окну, прижимая ладонь к кровоточащей губе и с ненавистью глядя на своего врага.

– Вот так лучше. Твое место на коленях. На полу. У моих ног. Ты должна молиться мне и благодарить за то, что я подарил тебе жизнь, помиловал тебя!

Прошелся по моей келье, распахнул настежь окно, раздвинул шторы. Можно подумать, от этого станет светлее. Солнце больше не светит. Мы в вечной тьме и днем, и ночью. Все давно забыли, что такое дневной свет.

– Сегодня твое заточение будет окончено. Отправишься на юг. К своему жениху. Кхуд Триркрах станет твоим мужем через одну луну.

Медленно поднялась с колен и отрицательно качнула головой.

– Плевать. Станешь женой и раздвинешь свои ноги, чтобы в твоем брюхе появился сын от него. Родишь наследника и можешь возвращаться в Тиан. Скулить дальше о своем сдохшем псе! Никто не помешает и не тронет тебя. Но вначале сделаешь то, что я говорю. Я обещал. Взамен пять островов с шахтами красного золота будут принадлежать Лассару. Я найду путь к Паучьей горе. И ни одной нечисти в округе не останется. Я свергну даже Кхуда… Помоги мне, сестра, и вместе мы будем править этим миром!

Потому что самая страшная нечисть – это ты сам. Никогда нам не править вместе. Как только я смогу – я лично перегрызу тебе глотку зубами.

– А будешь мне перечить…

Порылся в кармане и достал черную прядь волос, швырнул мне.

– Узнаешь? Это патлы твоей шеаны-подружки. Моран, кажется. Ты знаешь, что я с ней сделаю? Ее будут трахать во все дырки. В уши, в нос, в маленький зад, в глотку. Вся голодная свора моих солдат вздрючит твою маленькую, черную рабыньку. А потом… потом я начну отрезать от нее по кусочку и присылать тебе, например, в супе, в каше, в киселе. Тебя свяжут и заставят глотать ее мясо!

По мере того, как он говорил, меня тошнило, меня заволакивало черной ненавистью и тошнотой. Этот ублюдок не мог быть моим братом, не мог носить одну и ту же фамилию с Анисом… не мог родиться от моей матери. Посмотрела в глаза Маагара, а они стали полностью белыми, радужка как будто выцвела,

сверкнула огнем, и изо рта вытекла тонкая струйка дыма, поползла по щеке, как паутина. Он шагнул ко мне, но тут же остановился… а я ощутила жжение за спиной. Глаза Маагара погасли, и у меня осталось ощущение, что мне показалось. Я слишком измучена, слишком голодна и схожу с ума от отчаяния.

– И хватит молчать, Саанан тебя раздери, хватит, мать твою, молчать! Иначе тебе и в самом деле отрежут язык.

Я снова плюнула перед собой, но он уже не решился меня ударить.

– Собирайся. Мы выезжаем сегодня ночью. Тебя вымоют, накормят и переоденут. Ты больше не узница Тиана. Ты снова моя любимая сестра. Моя маленькая Одейя.

Он улыбнулся омерзительно, гадко. И мне на какие-то доли секунд начало казаться, что это не он. Точнее, он, да, но внутри него есть что-то еще… что-то нечеловеческое и жуткое, что-то, что им управляет. Или это я просто не хочу верить… Мне страшно каждый раз, когда я вспоминаю широко распахнутый уцелевший глаз отца, как он оседает на пол с ножом между лопаток. Он не верит, что это сделал его сын… смотрит то на меня, то на Маагара, который фальшиво плачет и причитает:

– Я не мог иначе… не мог. Или ты…или я. Я выбрал. Ты свое уже отжил. С тебя хватит. Теперь моя очередь. Прости, отец. Прости меня. Так надо… ты бы сделал так же.

Потом посмотрел на меня и скривился. Слезы катятся по щекам, он испачкан в крови Ода Первого, его руки дрожат, а рот кривится в рыдании.

– Ты будешь молчать. Поняла? Ты. Будешь. Молчать! Ни слова не скажешь! Иначе я выжгу весь Валлас! Всех вонючих варваров. Сниму с них кожу и буду жарить на вертеле на площади!

И я замолчала. Навсегда. Никто больше не достоин слышать мой голос. Даже я сама. Если земля способна носить такую тварь на себе, то мне больше нечего сказать. Ни одна молитва не сотрет память, ни один псалом не замолит того, что я знаю.

Протянула руку и тряхнула прядью волос перед лицом брата. Молитвенно сложила руки.

– Верну ее тебе, когда приедем в Рампал на помолвку. Но одно неверное движение, и ты пожалеешь о любой своей выходке.

В эту секунду в келью вошел без стука гонец, упал на колени, прижался губами к плащу Маагара.

– Что такое?

– О, мой Велиар, валласары… прорвались через плотину с севера.

– Ложь! Валласаров больше нет! Осталась лишь горстка нищих оборванцев!

Гонец поставил на пол сундук и откинул крышку. Я отшатнулась назад, увидев его содержимое, а Маагар грязно выругался. В сундуке лежала голова одного из его полководцев с вырезанной мордой волка на синем лице. Кровавый рисунок с вздувшимися краями расползся по лбу и щеке мертвеца.

– Бред! Их предводитель мертв! Я лично видел, как он потонул в ледяной реке, а на утро ее затянуло льдом! Я оцепил это озеро и смотрел, как валласарские псы тонут! Это подделка, враг хочет нас дезинформировать. Никакой паники. Пошли к плотине людей – пусть проверят, возьмут с собой рабов и залатают дыры. Валласаров, если найдете живых, четвертовать и куски развесить на дороге.

Прижалась лбом к стене, чтобы не слышать… заткнула уши пальцами. Не могу. Только не опять по развороченным ранам, только не опять разворошить горящий пепел и рассыпать там, где больше нет сердца и души. Сама не знаю, как до сих пор жива… Но значит, еще не время умирать, значит, у Иллина на меня свои планы. И я знаю какие – убить Маагара!

Маагара, который заставил Рейна встать на колени… Маагара, который предавал меня с самого детства.

– Уходите! Ловушка это! Маагар все подстроил! – шепчу, а он смотрит и щеки мои, лоб, шею ладонями огромными гладит. Все лицо, как от боли, исказилось, и дышит сквозь зубы рвано, быстро-быстро, словно задыхается. Ссадину потрогал у моего глаза, разбитую переносицу и к себе опять прижал, зарываясь лицом в мои волосы.

– Красивая…моя маааалан, какая же ты красивая, даже глаза изголодались по тебе. Пальцы изголодались. Не дышал без запаха твоего проклятого. Слышишь, ведьма? Убивать тебя шел…и не могуууу, маалан, не могуууу.

– Ловуушкаа, – стону я, – уходииии! Они убьют вас! Маагар убьет! Беги, Рейн!

Сбоку раздался сдавленный стон, и стрелы сверху градом посыпались. Рейн со мной вместе кубарем к деревьям и собой накрыл. Вздрагивает, и я знаю, почему – стрелы ему в плечи и в спину впиваются.

– Их много, – всхлипывая и касаясь его лица, – они заманили тебя в капкан…простиии.

– Иллин твой простит, если я позволю тебе с ним встретиться. В лес беги. Никто не пойдет за тобой. Беги. Мои воины остались за ущельем. Сайяр тебя встретит, уговор у нас такой. Поняла?

– Нееет…не пойду без тебя.

– Пойдешь!

– Не пойду…находилась я без тебя, Рейн. Не могу больше.

В глаза мне смотрит, и я вижу, как сузились зрачки, как дернулся кадык на шее.

– Лжееешь…но как красиво лжешь.

Приподнялась поцеловать его в губы потрескавшиеся, но он меня за горло обратно в снег вдавил. И в ту же секунду стрела у моего виска в щель между камнями встряла. Рейн рывком вскочил на ноги, зарычал, ринулся за мечом, и как обезьяна по скале наверх прямо в кодло лассарских воинов. Несколько голов

тут же в снег упали, окрашивая его в ржаво-алый. И кубарем вниз, вместе с лассарами и их лошадьми. Воины брата спрыгивали вниз, как саранча, по десять на одного. Мясорубка началась жуткая, кровь брызгами в снег капает, смешивается с ним, превращая в кроваво-грязное месиво, и я знаю, что не победит он… не осилит, слишком их много. Если бы только волком стал, но до обращения еще несколько недель. Что я натворила? Зачем Маагару поверила? Как не поняла? Это я Рейна и людей его на смерть привела.

– Эй! Лассарский велиарий, выходи драться! Чего за деревьями прячешься? Или меч в руках держать не умеешь? А может, ты только женщин бьешь?

Голову подняла и брата увидела, восседающего на коне с невозмутимостью самого Бога или идола каменного. Рядом с ним войско с копьями. Вниз смотрят. И Маагар ухмыляется уголком рта. Знает, тварь, что сражение выиграно.

– Сдавайся, валласарская псина, и тогда твоя смерть быстрой будет.

– Валласары – не лассары, они не бегут и не сдаются! Выйди и попробуй заставь меня, Маагар дас Вийяр!

Кричит, продолжая драться, разрубая на части нападающих на него солдат, раскидывая в стороны, как крыс. И я с ужасом вижу, что все остальные его воины мертвы уже давно. И он сам весь кровью залит, сломанные стрелы из плеча торчат. И держится, какой-то невероятной нечеловеческой силой держится.

– Никто ты, чтоб я с тобой дрался. Отбрось меч и стань на колени, тогда, может, я пощажу тебя, валласарская погань.

– Валласары на колени не становятся, запомни, малыш.

Маагар махнул рукой, и вниз спрыгнули еще десять воинов. Тяжело дыша, я встала со снега, глядя, как Рейн с легкостью сворачивает головы и рубит противников, а они идут и идут. А он уже шатается, с трудом на ногах стоит. И я понимаю, чего хочет мой брат – он хочет поставить его на колени. Тщеславный ублюдок. Он ведь мог давно приказать взять Рейна, но он хочет его сломать и ради этого не жалеет и своих людей. Только он одного не понимает – не сдастся он. Скорее, умрет, но не сдастся. И постепенно ухмылка с лица Маагара

исчезает, и он нервно дергает поводья. Потери растут. А валласар шатается, но не сдается. Убивает каждого, кто спускается к нему вниз. Падает и снова поднимается.

– Не становятся, значит? А так?

Я только вскрикнуть успела, когда два астрана спрыгнули рядом со мной и схватили под руки. Маагар поднялся в стременах и лук из-за спины достал.

– Так что ты выберешь, Рейн дас Даал, свою гордость или ее жизнь? Я самый лучший стрелок Лассара. Ты, бывший меид, это прекрасно знаешь. Через секунду она будет мертва, а ты все равно взят в плен.

Рейн метнул взгляд в мою сторону и снова перевел его на моего брата.

– Только лассарская псина может на кон поставить жизнь сестры, чтобы потешить свое эго!

– Ты к моей совести взываешь, убийца младенцев?! Жуткая тварь саананская?! – взвизгнул Маагар. – На колени! Или шлюха твоя сдохнет прямо сейчас.Вот такая братская любовь у Маагара.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. РЕЙН

– Ты никогда не думал, почему братья Ночного Дозора не вправе заводить жен и детей?

– Нет.

– Это для того, чтобы они не могли любить. Потому что любовь способна погубить честь, убить чувство долга.

(с) Джордж Мартин. Игра престолов

Сорвал с себя вонючую, мокрую медвежью шкуру, швырнул прочь и вдохнул морозный воздух полной грудью, искромсанной, извороченной шрамами.

Поднял руки вверх с диким ревом. Холод отрезвляет, возвращает к жизни. Колет все тело мелкими иголками. Здравствуй, Лассар. Я же обещал, что вернусь. Обещал, что приползу на брюхе, на четвереньках. Как угодно. Приползу выжирать все живое. Топтать каждый куст и давить каждый цветок.

Расправил плечи, подставляя голое тело мелким снежинкам, ожидая, пока Ее Величество Луна выйдет из-за туч и вырвет из моего нутра зверя.

Я пришел. Я снова на проклятой земле своих врагов, и в этот раз пощады не будет. Нас много. Нас целое полчище, и мы будем собирать союзников по всей земле. Пять лет я выжидал. Из них три года мое мясо срасталось с костями, а кости выравнивались и регенерировали. Од Первый заманил нас в ловушку… вместе со своим старшим сыном. И все из-за нее, из-за проклятой шеаны с красными волосами, из-за Маалан – лживой и продажной твари.

Я в очередной раз повелся и пришел за ней. И потерял сотни своих людей. Вывел их на верную смерть. Никогда не забуду берег той реки, в которой дас Вийяр похоронил больше половины моего войска вместе со мной под толстым слоем льда.

– Это ловушка! Я чувствую! Не ходи, Рейн!

Дали держала меня за руку, сдавливая запястье так же сильно, как это мог бы сделать мужчина. Ее хватка была железной.

– Мои люди нашли ее и везут сюда. У них получилось выкрасть Одейю дес Вийяр.

– Ты веришь гонцу? Посмотри на него. Он жалок. Он весь в крови и ссадинах.

– На него напали бандиты.

– Какие бандиты, о, Гела? Ты видел хотя бы где-то бандитов, Рейн? Единственные бандиты здесь – это мы сами.

– Он привез ее волосы! – ткнул сестре в лицо прядь красных волос. – Это они. Это волосы проклятой сучки!

– Снова ты наступаешь на те же вилы. Снова ты лезешь в ту же яму.

Отобрала у меня волосы и швырнула в огонь, и я тут же стремительно протянул руку, выдирая прядь из языков пламени, и, не обращая внимание на боль, волком посмотрел на сестру.

– Никогда больше так не делай!

– Не то что? Переступишь через меня ради…ради пряди ее волос?

Сдавил волосы в кулаке и бессильно зарычал. Да, это был неожиданный порыв. Да, когда представил, что огонь сожрет тонкие красные пряди, чуть не задохнулся от боли. Никто не может касаться их… даже пламя. Они принадлежат мне. Каждый волосок.

– Я возьму людей и поеду к реке.

– Половину людей. Ни на одного больше.

И зыркнула на меня своими синими глазами.

– Хочешь, умирай ради нее, но умирай со своими людьми – моих не тронь!

– Я думал, у нас общие люди!

– А я думала, что после лживой могилы ты похоронил в ней и свою пагубную страсть к шеане лассарской, похоронил свое безумие. Но нет. Ты одержим. Ты страшен! Не знаю, кого еще ты захочешь принести в жертву, но я не позволю, чтоб это были те, кто мне дороги!

– Бред! Я хочу ее наказать, хочу вернуть Лассар, хочу заставить ее отца и брата пойти на наши условия!

– И это тоже ложь, Рейн! Она была у тебя, ты не обменял ее на наших солдат, не обменял на еду, когда вы голодали, не обменял на золото или свободу. Ты оставил ее себе, и сейчас будет точно так же! Ты помешан на этой женщине. Она сожрала твое сердце и твою душу. Они не принадлежат никому. Даже тебе.

Прошла мимо меня, зацепив плечом, и вышла из моего шатра. Ну и к Саанану ее помощь. Я сам справлюсь. И…не справился. Дали оказалась права. Я привел своих людей на смерть. В лодке оказалось чучело, одетое в женский плащ, а на нас напало тысячное войско Ода Первого. Сам он стоял на берегу и смотрел, как рубят и колют моих солдат, как они проваливаются под лед, как умирают с моим именем на губах.

Но меня свалить было невозможно. Я шел к нему. Рубил направо и налево, отшвыривая головы, как кочаны капусты, выдирая острием меча кишки и разрубая грудные клетки. Шел к нему. По льду, который не раскалывался подо мной. Не чувствуя ран, не ощущая боли и слабости от кровопотери. Даже когда на меня обрушился вражеский топор и разворотил мне грудину, я продолжал идти. Лассары набросились на меня вдесятером в нескольких шагах от копыт белого коня Ода… и мы ушли под лед. Я тонул и смотрел им обоим в глаза. Отцу и сыну. И проклинал их всеми силами ада.

Пришел в себя от трения, тряски и запаха волчьей шерсти. Не моей. Дали выпустила свою волчицу, и та нашла меня под водой, вытянула на берег и несколько миль тянула в лагерь.

Войско было разбито. Од с Маагаром пошли в наступление и загнали остатки валласких солдат обратно за границу, оттеснили за дамбу, уничтожили еще несколько десятков воинов, ослабших, деморализованных и голодных. Меня выхаживала тихая и молчаливая Лори. Она врачевала мои раны, кормила меня с ложки, обмывала мое тело, а Дали каждую луну прятала меня в подвал, заколачивала его досками в надежде, что мой волк не придет и не разломает раскрошенные кости, не добьет меня окончательно.

Но у нее не вышло. Волк приходил все равно. Он дробил мое тело, мешал регенерации и тихо выл, пытаясь волочить перебитые лапы. А потом

возвращался я в еще худшем состоянии. Лассары преследовали нас, загоняли, как диких зверей.

– Как мне быть, Рейн? Как? Ты не восстанавливаешься!

– Перерезать мне глотку и уводить своих людей.

И засмеялся, закашлялся, чувствуя, как вибрирует от боли каждая клетка моего тела.

– Наших людей, брат. Наших.

– Твоих. Мои давно покоятся подо льдами Красной реки.

– Наших! Прости меня…прости, что так сказала. Но без тебя мы никуда не пойдем. Без тебя мы больше не будем войском Лассара, а станем снова жалкой кучкой мародеров и оборванцев. Не будет праведной войны, не будет священного долга. Ты – наш велиар, Рейн. Ты единственный сын нашего отца! Ты должен вести нас в бой!

Она откинула полог шатра, за которым я валялся голый, накрытый шкурами с незарастающей раной в груди, худой, как скелет, заросший с ног до головы, вонючий и грязный.

Но едва люди вошли в шатёр, они все опустились на колени и начали глухо бить в грудь, скандируя мое имя.

– Ты – наш велиар… ты должен жить! Вернуть нас в Лассар и повесить на лассарском замке знамя Валласа! Ты!

Она ушла, а я остался лежать на шкурах и смотреть в темноту, пока не нащупал у себя на груди зуб и не ухмыльнулся, вспоминая, как старая мадорка дала мне его своей дрожащей, костлявой рукой.

– Придет день.. или скорее ночь… дня сссскоро не будет… придет ночь, и ты найдешшшшь меня. Найдешшшшь и будешшшшь лежать у меня в ногах…

– Скорее топтать тебя копытами моего коня.

– Ты даришь мадоре сссвободу… а она, может быть, когда-нибудь подарит тебе жжжиззззнь. Ессссли захочешшшшь найти… вот… покажжжжи, и тебя не сожжжрут, а приведут ко мне.

Я вручил этот зуб Дали.

– Приведи Сивар. Она сможет вылечить.

***

Старая шеана бормотала надо мной заклинания на своем языке. Я ее то слышал, то не слышал, проваливаясь в черную яму небытия, и бродил там по закоулкам моей черной души, чтобы видеть из кромешного мрака ее облик, ее глаза, ее кровавые волосы. Гнаться за ней, тянуть израненные руки, ползти на коленях. Там не было гордости, там не было ненависти и гнева. Там жил одинокий волк, готовый за нее сдохнуть, готовый позволить содрать с себя шкуру и все равно ползти по ее следу, истекая кровью, чтобы испустить дух где-то возле ее ног. Увидеть ее один раз. Издалека.

Адская боль выдернула раскаленными клещами обратно в реальный мир, и я увидел перед собой сморщенное лицо мадорки, ее скрюченные пальцы и зловонную пасть, приоткрытую и исторгающую какие-то ужасные звуки, похожие на песню.

– Вкуси моей крови, гайлар, вкуси и вернёшься обратно.

– Нет большей ереси… чем вкушать кровь падальщицы…

– Ересь, вера, какая разница, если уйдешь к своим праотцам и никогда больше ее не увидишь.

Мы оба знали кого. Старая, хитрая тварь знала, куда бить, а еще она знала, что если я изопью ее крови, то больше никогда она не станет врагом моим. Во мне будет плавать проклятая жижа баордов. Мой волк будет воспринимать ее как

родную и не причинит им вреда.

– Лучше выблевать свои кишки, чем испить эту дрянь.

– Как знаешшшшь.

И ушла, оставив после себя смрад гниющей плоти, засохшей крови и медвежьего жира. Боль выворачивала меня наизнанку, боль сжирала мои внутренности и заставляла извиваться на постели, выгибаясь и проклиная каждую секунду своей жизни. Иногда я впадал в небытие.

Это были самые лучшие мгновения, я освобождался от ненависти, освобождался от боли. И видел нежное лицо Маалан перед собой. Видел бирюзовые глаза, полные любви, видел приоткрытые губы, улыбающиеся мне, чувствовал, как касается меня тонкими пальцами, ведет по груди, призывно выстанывая мое имя.

– Моар, Рейн…моар….истосковалась вся. Маалан твоя изнемогает. Сил нет ждать тебя. Умру скоро… Дай в последний раз почувствовать тело твое, последний раз целовать твои губы.

Платье расстегивает, спускает с белоснежных плеч, оно скользит вниз к ее тонкой талии, обнажая тяжелую, упругую грудь с коралловыми сосками. И снова ко мне тянется, руки на грудь кладет… мгновение, и из тонкий ногтевых пластин выскакивают когти острые, как ножи, и впиваются мне в грудную клетку, обнажают сердце.

Вместо лица постепенно проявляются черты Сивар.

– Аааааа, – и я открываю глаза, бешено вращая ими и видя склонившуюся надо мной мадорку.

– Недолго ему осталось. Час или два. Кровь вязнет, становится черной. Заживления больше нет. Его волк ослаб и больше не может поддерживать жизнь в человеке.

И тут же исчезла, захрипела. Послышался голос Дали, полный гнева и боли.

– Ты обещала спасти! Обещала вернуть его!

– Обещалаааа…дааа, но он не хоччччет.

– Чего не хочет? Что ты несешь, старая гадина?! Я тебе, как змеюке, башку отгрызу! А потом всех твоих растерзаю. Куска мяса не останется!

– Паучий яд, что живет во мне, склеит разлагающщщщщщуюссссся плоть, очиссссссстит. И тогда он вернетссссся к жизззззни… А он не хоччччет. Не хочччет осквернять себя кровью баордов!

– Не спрашивай! Меня слушай! Сейчас я решаю!

– Нет. Нельзя сссстарой Ссивар сссамой решшать. Он должжжжен. Добровольно. Должжжжен.

– Рейн, заклинаю, выпей ее крови. Слышишь? Ты должен. Нет времени больше! Нееет его!

– Тогда родными нам станут… никогда истребить не смогу.

– Я смогу!

Приоткрыл тяжелые веки.

– И ты не сможешь. Кровь смешается. Твоя…волчица…не сможет.

– И что? Саанан с ними, с баордами. Пусть живет племя их проклятое! Нам то что, не они враги наши, не с ними воюем.

Боль вывернула меня наизнанку, заставила изогнуться и стиснуть челюсти, чувствуя, как пена выступает в уголках рта.

– Соглашайся! Рейн, молю!

– Нет! Уходи, Дали! Уводи людей!

Больше я их не слышал, погрузился в черноту, в свой личный лабиринт из диких кошмаров, личных мертвецов и тварей из самой лютой бездны разума. Я снова ходил по черным закоулкам, ползал, шарахаясь от гниющих тел своих врагов и всех тех, кого когда-либо убил. Они тянут ко мне скрюченные пальцы, хватают за ноги.

– Отец…

Детский голосок пробивается сквозь мерзкое шипение и рычание мертвецов, заглушает их. Я слышу этот голос, но не вижу никого, и мне кажется, что это я совсем маленький бегу по лугу, раскинув руки и растопырив пальцы… Я бегу за мальчишкой, спотыкаюсь, что-то кричу.

– Отец…я жив, ты знаешь? Я жив!

Кто ты? Кто ты – исчадие ада или выдранный из глубины сознания самый болезненный и жестокий кошмар-мечта.

– Я жииив.

– Где ты? Гдеее?

– Совсем рядом….рядом…рядом… найди меня. Я жииив!

И тонет голос, путается где-то в заснеженных дорогах, и я иду за ним… а рядом Дали. Мы где-то там… где-то, где я все еще верил девочке с красными волосами и жаждал ее найти, чтобы неистово любить.

– Тени. Они уже здесь. Быстро. Как быстро, им иммадан. Я думал, это все сказки Сивар…

Обернулся назад и с облегчением выдохнул, когда мост захлопнулся, а в снегу осталась стоять одинокая детская фигура с куклой в руках.

– Да что с тобой? Какие сказки? Что за тени?

– Мой волк с ними дрался…они вышли из воды. Несколько десятков лун назад. Это зло, Дали. Как утверждает Сивар, оно пришло на землю, чтобы поглотить ее и погрузить во мрак. Оно питается смертью и поселяется там, где смерть побывала… Или сеют эту смерть сами. Слуги Повелителя Тьмы. Как говорит старая вонючая мадора. И мы… мы с тобой тоже его слуги. Когда теряем облик человека.

– Бред!

– Не знаю. Я и сам не знаю… Но они…Ты видела их сама.

Мы объехали цитадель и через несколько часов пути достигли Нахадаса. Под видом двух паломников, зараженных оспой, мы въехали в город и спросили дорогу к Храму. Стараясь не приближаться к нам, люди рассказали, как выехать к горе. Мы больше не говорили с сестрой. Ехали молча. Глядя вперед на шпили храма, который вызывал у меня ощущение стойкой ненависти. И мы знали, зачем сюда едем. Жаль только, жирной твари здесь давно нет, иначе я бы с удовольствием поджарил его на вертеле.

– Его звали Вейлин… она назвала его Вейлин.

Я резко обернулся к сестре, но она не смотрела на меня. Она смотрела вперед на шпили с раскрывающимся цветком на концах.

Мы искали очень долго. Ходили по рядам, раздвигали ветки. А когда нашли, я долго смотрел на дату, высеченную на камне, потом с рыком отодвинул плиту, усыпанную сухими цветами. Когда-то такой, как я, говорил мне, что когда мы умираем, то наши кости под землей не походят на человеческие – это кости полуволка – получеловека. Со временем я убедился, что это правда.

Мы разрыли могилу и вскрыли обитый бархатом ящик с маленькими костями, завернутыми в шелка с вышитой буквой «В». И это были кости человеческого младенца. От меня мог родиться только гайлар. Либо Одейя дес Вийяр не рожала, либо она родила его не от меня. Последнее исключено. Так как она была под полным моим надзором постоянно… Значит, не было никакого младенца.

Я заорал, пиная ногой мокрый снег и ломая дерево голыми руками, пока Далия закапывала гроб обратно и двигала на место плиту.

– Сукаааа! Лживая, проклятая сукааааа!

Мы долго стояли над могилой в полной тишине. Я смотрел на свои руки, вымазанные грязью, на то, как въелась она под кожу, и думал о том, что только что сдохли обе шалавы: и надежда, и правда. Теперь они здесь, под плитой, вместе с несчастным малышом. Чужим малышом. А у меня внутри, в каждую пору забилась точно такая же грязь. И воняет гнилью моя истлевшая плоть.

Это была самая чудовищная ложь из всех, что я когда-либо встречал за всю свою гадскую жизнь. Внутри все мгновенно замерзло и окаменело. Я поднял взгляд на Далию, а она не сводила взгляда с Храма. Ее скулы то сжимались, то разжимались. А мне хотелось громко и оглушительно хохотать. Так громко, чтобы полопались перепонки в ушах. И я смеялся. Про себя. Раздирая горло до крови.

***

Веки мучительно дрогнули, и я открыл глаза.

– Даваааааай….я выпью…даваааай!

Кровь мадоры была тянучей, как сироп, и острой на вкус, как самая горькая приправа. Я глотал эту жижу, а сам продолжал бежать по тому зеленому лугу вслед за мальчиком. Я знал, кто это. Мой сын. И я должен выжить. Выжить, чтобы найти красноволосую дрянь и спросить у нее, где мой ребенок. Почему могила моего сына оказалась пустой!

Пришел в себя через сутки… от детского плача. Где-то кричал младенец. Его крик выдернул меня из небытия, и я хрипло спросил у сидящей рядом с моим ложем Дали:

– Где…где это плачет ребенок?

– У баордов…

У баордов? Странно… в голодные времена у них нет младенцев. В голодные времена они их уничтожают сами.

***

Тугие, острые как бритва волоски пробивают кожу, лезут наружу, исторгая из меня рык уже привычной боли, я чувствую, как хрустят суставы, как несется кровь по венам, как пробиваются когти и рвут мою плоть в мясо. Пахнет луной и свободой. Я втягиваю этот одуряющий аромат, позволяю волку полностью завладеть моим телом, чувствуя, как обостряются все чувства, как тонкий слух улавливает каждый шорох, каждую прячущуюся тварь, которая дрожит от ужаса, ощущая моего зверя.

Я вижу шныряющих в кустах зайцев, слышу мчащихся прочь оленей, жалобно попискивающих детенышей куницы.

Я голоден. Волк хочет смерти и крови. Сырого мяса и погони. Ухо улавливает шорох справа. Там притаилась косуля. Ее можно загнать и сожрать сочное мясо, если подобраться очень тихо. И волк пригибает голову, перебирает мощными лапами, осторожно опуская их в пушистый снег.

Не спугнуть. Но косуля вдруг испуганно бросается бежать. Саанан раздери.

Волк хочет кинуться в погоню, но его настораживает другое… это не он спугнул косулю. Это не он заставил ее испуганно озираться. Здесь есть еще один зверь. Не Дали. Сегодня не ее ночь охоты, и она сейчас далеко.

Повел носом, втягивая морозный воздух, смешанный с запахом хвои, мускусным ароматом страха, который выделяет косуля и… грубый, но очень чистый аромат гайлара. Здесь еще один волк. Его шерсть пахнет едко, сильно и… как-то по молочному приятно.

Я делаю прыжок в сторону, заставляя косулю бежать на открытую поляну, чтобы увидеть своего соперника. Я больше не охочусь на нее, я охочусь на волка. Я хочу заставить его обнаружить себя, как только он выскочит из темноты, чтобы попытаться схватить добычу. Я опрокину его в снег и заставлю покинуть мою территорию. Никто и ничто не имеет права находиться на моей земле!

Вот он – взметнувшийся вихрь снега, и тень, мелькающая из-за деревьев. Взвился в прыжке, растопырив лапы, сбивая грудью соперника прямо в снег, опрокидывая на спину и придавливая всем телом к земле. С оглушительным ревом выдыхаю всю ярость в белую морду. Жалобный скулеж охлаждает пыл… передо мной не волк… а волчонок.

ГЛАВА ПЯТАЯ. РЕЙН

– Что ты делаешь со мной?

Со слезами в голосе спросил он у ворона.

– Учу тебя летать.

– Я не могу летать.

– Ты уже летишь.

– Я падаю.

– Каждый полет начинается с падения.

(с) Джордж Р. Р. Мартин. Игра престолов

Яркие зеленые глаза, белый мех, большие уши. Совсем мелкий. Детеныш. Но… кто посмел обратить ребенка? Впервые столкнулся с таким. Никогда не слышал о маленьких Гайларах. Только в преданиях, когда Гайлары еще рождались от

смертных женщин или от слияния двух особей, но не в наше время, когда нас остались считанные единицы, и у каждого своя территория. Гайлары давно утратили способность размножаться со смертными… а найти свою истинную пару не могли и подавно.

«Кто ты» – гипнотизируя, впиваясь взглядом в расширенные от страха зрачки. Сколько ему? Пару месяцев, как волку, и лет пять, как ребенку? И есть ли ребенок?

Молчит, шевелит белыми ушами, жмет к голове, и глаза напуганы. Не ожидал встретить кого-то такого же, как он сам.

«Где твоя стая? Ты один? Отвечай!»

Вдалеке раздался характерный свист, и мы оба повели ушами, устремив взгляды на небо.

Огненные стрелы взметнулись в воздухе и полетели в сторону лагеря. Я резко подскочил и разжал лапы, волчонок дернулся в сторону и исчез за деревьями. Саанан раздери. Метнулся было за ним, но пронзительное понимание того, что происходит, заставило застыть.

Секунда промедления, и я задрал морду кверху, принюхиваясь к воздуху. Лассары! Целый отряд.

Они вычислили нас и атаковали лагерь. До рассвета еще часа три. Против стрел я бессилен. А в одиночку не справлюсь с целой толпой. Плевать. Я перегрызу половину из них. А может, и всех, если повезет. Тем, кто не боится смерти, везет почти всегда.

Проклятье, Дали ушла в разведку и вернется нескоро. Со стороны лагеря раздавались крики. Начался пожар. Череда стрел взметнулась еще раз, и я бросился в сторону отряда лассаров. Разметая снег лапами, прижимаясь ниже, чтоб меня не было видно. Мелкому засранцу, который удрал от меня, повезло. Его белая шерсть незаметна на снегу. Разделаюсь с ублюдками-лассарами и пойду по твоему следу, малыш. Никто не смеет плодиться на моей территории просто так. Я хозяин этих мест. Все земли принадлежат моему волку. Он – альфа, а Дали – бета. Все остальные должны испросить нашего позволения

ступить на эту землю.

А вот и трусливые твари. Обосновались на пригорке, замаскировавшись ветками хвои, в белых латах и кольчугах, с белыми плащами. Разведка Лассара, посланная уничтожить тех, кто прорвался через плотину. Они уже знают, как нас много…

Я крался к ним сзади, не торопясь, прикидывая, скольких смогу убить сразу и со сколькими придется сразиться. Обычно срабатывал эффект неожиданности, и, завидев такую страшную тварь, как я, люди бросались прочь с дикими криками. Но в этот раз я не мог никого отпустить. Маагар не должен знать численность войска, прорвавшегося на сторону Лассара.

Я напал, когда лучники подняли свои стрелы вверх в ночное небо, натянув тетиву. Дикий вопль боли и смерти разлетелся эхом по всему лесу. И начался Хаос. Пиршество моего волка. Одичавшего, злого, голодного. Он набросился на противника, кромсая на куски, раздирая без жалости, без страха. Многие кинулись врассыпную, побросав арбалеты. Остальные корчились от рваных ран, а я позволил волку наслаждаться победой, позволил бесчинствовать и пировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/soboleva_ul-yana/legendy-o-proklyatyh-4-osleplennye-t-moy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити